

Приступ Лин Си прошёл совсем недавно, так что беспокоиться особенно не о чем. К тому же Хо Цзюю сейчас требуется покой, поэтому нужда в том самом «дворцовом рецепте», о котором говорил доктор Цинь, пока не стояла остро. У них ещё было время собрать деньги.

Даже когда Хо Цзюй пересказал Лин Си смысл слов доктора, тот ничуть не встревожился: для нового человечества такие вещи - сущие пустяки, обычные люди так просто их не «ломают».

Но Хо Цзюй об этом не знал. Его брови были нахмурены так, что казалось, ими можно прихлопнуть муху. Лин Си привык относиться к собственному телу спустя рукава: он и кабанов не боялся, что уж говорить о подобной мелочи. Обдумав всё, Хо Цзюй решил найти какую-нибудь работу и подзаработать денег, чтобы купить для Лин Си укрепляющий рецепт. Говорить об этом Лин Си он не стал: боялся, что тот начнёт отговаривать.

Едва они закончили свои дела, как вслед за ними, с недовольной миной, вышел старик Цао. Вслед за ним шли Люй Чжи и деревенский староста; лекарский ученик поддерживал побледневшего, едва державшегося на ногах Люй Чжи.

Глаза Люй Чжи были пустыми, мёртвыми, шаги шаткими: казалось, он всё ещё захлёбывается болью утраты и никак не может прийти в себя. Старика Цао староста буквально вынудил достать деньги. Услышав сумму двенадцать лян серебра, тот взвыл на весь приёмный зал:

— Что!? Двенадцать лян?! Да вы в вашем медицинском зале людей грабите!

Работник клиники заговорил мягко, терпеливо:

— Уважаемый, состояние этого фулана было крайне тяжёлым, пришлось использовать много редких лекарств.

Он сделал короткую паузу, скосил взгляд на старика и натянуто усмехнулся:

— К тому же... кулак у вас, почтенный, что надо. Чуть человека на тот свет не отправили. Хорошо ещё, что наш доктор Цинь вовремя ввёл иглы и вырвал его из рук Янь-вана. Один выход доктора Циня с иглами стоит пять лян.

Старик Цао чуть в обморок не грохнулся: из-за его же удара пришлось платить ещё пять лян. «И зачем его спасали! — читалось у него на лице. — Умер бы, и дело с концом».

— Я же не просил ему иглы ставить! — старик заупрямился, как мог, отказываясь платить.

Работник, увидев, что тот собрался отказываться от счёта, посуровел и предупредил:

— Уважаемый, если бы человек умер, это называлось бы... убийством.

У старика Цао перехватило горло, сухое, будто корой покрытое лицо окончательно лишилось краски.

— Я... я... Это всё его проклятый живот виноват, — забормотал он, упрямо вытягивая шею, пытаюсь оправдаться. — Ребёнка удержать не смог...

Он пробурчал ещё что-то нечленораздельное, но тут деревенский староста внезапно толкнул его в спину:

— Цао Фужэнь, ты если ещё повозишься, стемнеет, и что? Всех в гостиницу на ночёвку за свой счёт расселишь?

Старик Цао дёрнулся, будто его кипятком окатили. О таком и думать страшно, он мигом полез за пояс, скривившись, начал пересчитывать серебро и очень неохотно сунул его в руки работнику.

— Поднимай человека в телегу, — приказал староста, кивнув подбородком.

Глаза старика Цао выкатились почти по-лягушачьи.

— Нет! Я не понесу!

— Ты ему кто? — голос старосты стал жёстким. — Свёкор! Не ты, так кто его поднимать должен?

Старик Цао даже отшатнулся в сторону, словно боялся прикоснуться к «несчастливому» человеку.

— Я... я ведь тоже мужчина! — выкрикнул он, откуда-то выудив странный аргумент. — Это... это не по правилам приличия!

Мельком взглянув в сторону Лин Си, старик Цао тут же ткнул в него пальцем:

— Эй, маленький фулан, иди-ка помоги! Ты тут самый подходящий.

Будто гром среди ясного неба. Лин Си сделал вид, что не услышал. Если когда-нибудь его настоящая половая принадлежность вскроется, вот тогда и будет «подходящий»...

Старик Цао не ожидал, что какой-то «маленький супруг» посмеет проигнорировать его. Он уже раздулся, собираясь продемонстрировать авторитет старшего, но, подняв глаза, наткнулся на взгляд высокого мужчины, стоящего рядом с Си, и мгновенно сник. Его передёрнуло, в голове

стало пусто.

Староста чуть не кинулся пинать Цао Фужэня:

— Ну так ты пойдёшь или нет?!

Старик Цао огляделся - вокруг ни одного, кого можно было бы «приказать» или «заставить». Все опаснее его. Пришлось ему ступешаться, подобраться и молча подойти к Люй Чжи.

С того момента, как его вывезли из лечебницы, Люй Чжи был словно живой мертвец, на вопросы не отвечал, взгляд стеклянный. Когда они вернулись в деревню, старуха Цао уже стояла у ворот и глазела в ту сторону. Завидев Люй Чжи, она первым делом устремила взгляд на его живот.

Воздух на мгновение застыл, а затем разорвался истошным воплем старухи Цао:

— Мой вну-у-ук! Мой вну-у-ук! Верните мне моего внука! Ты, никчёмная тварь!

Она, обезумев от ярости и горя, кинулась на Люй Чжи, принялась яростно его бить и таскать, а тот стоял безвольно, словно выжатая, пустая оболочка.

Лин Си рывком отдёнул старуху. Та плюхнулась на землю, тут же перекадилась и начала кататься по грязи, завывая:

— Небеса, меня бьют! Меня убивают!

Лин Си подобное в прошлой жизни не брало уже никак. После катастрофы он видел столько таких «плакальщиц», что кожа стала толстой: чем больше им уступаешь, тем наглее они становятся.

Никто не успел заметить, как он двинулся. В следующее мгновение воздух разрезал холодный блеск. Старуха вскрикнула и замерла - по коже сбоку пробежал ледяной укол. Рядом с её щекой в землю воткнулся острый кинжал, так близко, что лезвие почти коснулось кожи.

Холод прокатился по её позвоночнику, казалось, кровь пошла вспять. Ноги и руки окаменели, дыхание сперло. Ещё чуть-чуть, и острие вошло бы не в землю, а в её лицо.

Это осознание снова пронзило старуху Цао холодом. Глаза её закатились, и она без чувств рухнула на землю. Старик Цао, бледный как смерть, бухнулся рядом, дрожа так, будто его трясли за плечи.

Собравшиеся поглазеть односельчане притихли разом. Теперь уж кто посмеет задеть этого «молоденького супруга»? Он же мигом всадит нож, и никто даже не поймёт, как умер.

Опомнившись, староста подозвал одну из женщин в толпе, велел помочь Люй Чжи зайти в дом, а потом разогнал зевак. Лишь после этого он, тяжело вздохнув, обратился к Лин Си:

— Мы ведь одна деревня, свои люди... Не стоит всякий раз хвататься за нож. Тебе же самому это к добру не пойдёт, и слухи нехорошие пойдут.

Лин Си поднял кинжал с земли, аккуратно вытер лезвие о край своего одеяния и сунул обратно за пояс Хо Цзюя.

— Хорошо, староста.

Староста с облегчением вздохнул, хотелось надеяться, что парень действительно услышал его слова.

Он погнал уставшего за день вола домой. А Лин Си с Хо Цзюем направились обратно к своей бамбуковой хижине, попутно заглянув на стройку, чтобы посмотреть, как продвигается строительство их нового дома.

- Когда ты успел узнать, что у меня за поясом нож? — Хо Цзюй вдруг понял, что перед Лин Си он словно вовсе не имеет тайн.

Лин Си наклонился, сорвал стебелёк лисохвоста и покачал его между пальцами.

- Когда есть хоть малейшая опасность, ты невольно тянешься рукой к боку.

Такую тонкость заметить - Хо Цзюй посмотрел на него иначе, с оттенком уважения, которое дарят лишь равному.

- Похоже, придётся мне изменить эту привычку.

Лин Си лишь невыразительно повёл плечом.

Участок был совсем рядом, за несколько шагов они дошли до него. Луна висела высоко. Все деревенские, помогавшие со стройкой, уже разошлись по домам. Они вдвоем подошли ближе и при свете лунного серебра оглядели ход работ.

- Вот это да, как же быстро они управились, — Лин Си ещё утром сам валил деревья, а сейчас перед ними уже выросли первые очертания будущего дома. Не иначе врождённый

строительный талант Поднебесной: от древности и доныне неизменный.

- Три простые комнаты - это недолго, — Хо Цзюй оглядел строящееся жильё. До службы в армии он не раз помогал односельчанам поднимать дома; к десяти с лишним годам он уже сложился в настоящего деревенского мужика, никто и не думал считать его ребёнком.

- Ты и строить умеешь? — уловил Лин Си скрытый смысл.

Хо Цзюй кивнул:

- Когда заработаем денег, сам поставлю нам дом из зеленого кирпича, с черепичной крышей.

Лин Си вскинул бровь:

- Тогда жду с нетерпением.

В прежнем мире, исполняя задания, он бывал где только ни приходилось, и в тущобах, и в лесных укрытиях, и в полевых лагерях; умел соорудить убежище, но чтобы вот так, дом с нуля... тут уж оставалось лишь развести руками.

По дороге обратно Лин Си тихо поведал Хо Цзюю, что слышал от старухи Цао и её мужа:

- Вся семья держится на одном дяде Люй, а у них ни капли благодарности.

Хо Цзюй ничуть не удивился, будто слышал о будничном:

- Ты видел когда-нибудь, чтобы землевладелец жалел своего батрака?

- Но ведь дядя Люй - супруг их сына, — Лин Си не был наивным белым цветочком, он видел людскую жестокость. Но видеть - не значит перестать чувствовать.

- Они с самого начала не считали дядю Люй семьёй, — тихо сказал Хо Цзюй. — Как же им его жалеть?

Он сам когда-то был таким же «дядей Люй»: с малых лет тянул на себе весь дом, выполнял всю самую тяжёлую работу, а до мяса или сладкого ему и дотронуться не позволяли. Ради брата и сестры он ни разу не пожаловался, терпел всё молча. Теперь, спустя годы вновь оказавшись на родной земле и пережив столько всего, он наконец ясно понял: в том доме никому не было дела до его жизни и смерти, не то что до его трудов и страданий.

Идущий рядом юноша молчал.

Хо Цзюй повернул голову:

— Хочешь помочь дяде Люй?

Вопреки ожиданиям Лин Си ни согласился, ни возразил. Он сказал совсем другое:

— Помочь ему может только он сам.

Он и впрямь мог бы вытащить Люй Чжи из трясины, но захочет ли тот сам? Вполне возможно, человеку в болоте кажется тепло и привычно, и тогда любой, кто протягивает руку помощи, станет назойливым чужаком. То, что с Люй Чжи происходит сейчас, складывалось многие годы. И чтобы что-то изменить, первым делом он должен осознать: он - человек, а не скотина, которую можно бить и гонять.

В чёрных глазах Хо Цзюя мелькнула тёплая, искренняя оценка - Лин Си оказался куда прозорливее, чем он думал.

На следующее утро у подножия горы снова закипела работа. После вчерашнего обеда с мясом мужики трудились с удвоенным рвением: уж раз хозяева не поскупились на мясное, надо и самим потрудиться так, чтобы не было стыдно за съеденное.

Лин Си не потратил на угощение почти ни медяка - дичь ему наловили волки. Если бы он не настоял на том, что ему нужна только одна тушка, они бы натаскали целую кучу.

Накануне Хо Цзюй попросил подмастерья из «Янчуньтана» помочь купить немного крупы и смешанной муки, заплатил тому несколько монет за работу, и тот был счастлив.

Когда съедят мешок муки, обменянный у деревенских тётушек, можно будет пользоваться уже собственной и не придётся больше тревожить соседей.

— Слышал? У Люй Чжи ребёнок пропал...

— Да я ещё вчера от своей бабы узнал. Она к нему ходила, говорит, он сидит как вкопанный, разговаривать ни с кем не хочет, точно душу потерял.

— Эх, жалко-то как... Старший сын в семье Цао так ждал этого наследника, а судьба взяла и повернулась спиной.

Говорят, сплетни рождаются там, где много женщин, но где собираются мужчины, празднословия меньше не становится.

Лин Си окружили две тётушки, выпытали все подробности. Услышав, что Цао Фужэнь не только отказался платить за лечение, но ещё и ударил лежавшего без сознания Люй Чжи так что тот чуть было не отправился к предкам, обе ахнули и в один голос принялись ругать семейство Цао последними словами.

Шум поднялся на всю округу, а вот родня Люй Чжи по-прежнему сидела тише воды и даже не думала идти к Цао разбираться за своего гера. Так что в последние дни Люй Чжи стал самым жалким человеком на устах у всех деревенских.

И когда все решили, что под пристальным взглядом доброй половины села старики Цао хоть немного поостерегутся и будут обращаться с ним человечнее, те как раз и выгнали его прочь!

Об этом рассказали люди из семьи Люй: выгнанному Люй Чжи некуда было податься - он вернулся в родительский дом, но там его и видеть не захотели. Для семьи Люй он всегда был лишь обузой: поспешно выдали раз, поспешно выдали два, разве такие станут держать его у себя? Даже чашку еды не предложили, только велели убираться восвояси и идти кланяться семейству Цао, молить прощения.

Люй Чжи, так и не оправившийся от удара утраты ребёнка, один за другим выслушивал брань и презрение. Сжав в объятиях плоский узелок с вещами, он, точно блуждающий дух, шатался по деревне.

Крови он потерял много, тело ослабло, а палящее солнце так жгло макушку, что перед глазами у него всё плыло. В каком-то забытии ему почудились мягкие детские ладошки, машущие ему, и нежный, чуть тянущий голосок:

— Маама...

Слёзы мгновенно хлынули по его лицу. Словно лишившись рассудка, он пошатываясь направился к реке.

— Мама пришёл... Мама здесь, — шептал он, и на мёртво-бледном лице появилась странная, легкомысленная улыбка.

Его ноги без колебаний вошли в воду, не как у человека, ищущего смерти, а как у того, кто наконец увидел место, куда должен вернуться.

Плюх!

Брызги разлетелись, и человеческая фигура исчезла под толщей воды, словно чудовище распахнуло пасть и проглотило его целиком.

Лин Си, занятый переноской брёвен, вдруг замер. В тени дерева, где он доделывал лежак, Хо

Цзюй поднял голову:

— Что случилось?

Лин Си прищурился, глядя в сторону справа:

— Кажется... я услышал, будто кто-то упал в воду.

<http://bllate.org/book/13580/1204871>